

18+

МАКСИМ ГРИНКЕВИЧ

БЫЛО: НЕ БЫЛО

ХРОНИКИ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Максим Александрович Гринкевич

Было: Не было. Хроники среднего возраста

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735505
ISBN 9785449316561*

Аннотация

«Эту книгу я писал 10 лет. Здесь собраны мои зарисовки на самые неожиданные темы, которые рождались в разное время. Словом, это типичная „первая книга“, где больше говорится про автора, чем про что-либо ещё. С детства я мечтал стать писателем, сидеть за массивным столом и смотреть задумчивым взором в глубь старого сада. Но вышло так, что сижу я перед компьютером, а мои тексты ещё никогда не видели бумаги. Возможно, настала пора».

Содержание

БЫЛО	6
Врать или не врать	6
Внутри шкафа	11
Бабушки	12
Проспект Абылай-хана	16
Про чиновников	19
Добрые люди	23
Осень	25
Улица Октябрьская	27
Пятница	29
Новогодние подарки	31
Праздники	33
Счётчики	34
Ленинская тетрадь	36
Фисгармония	38
Про жизненные достижения	41
Лето 2017	42
Гарбуз	45
Эти дни	47
Самолёты	49
Запахи	52
Мастер болен	53
Барометр	54

Прострел	56
Старый компьютер	57
Убийство	60
Чернильница	61
Бухара	62
Узбекское гостеприимство	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Было: Не было

Хроники среднего возраста

**Максим Александрович
Гринкевич**

Редактор Михаил Комаристый

Арт-менеджер Наргиз Исмаилова

© Максим Александрович Гринкевич, 2024

ISBN 978-5-4493-1656-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЫЛО

Врать или не врать

Это было классе в седьмом или около того. Мы с несколькими товарищами остались после уроков дежурными по классу. В наши обязанности входило расставить стулья на парты, выровнять сами парты и вымыть пол. Ещё доску протереть, конечно.

Наш кабинет находился на втором этаже школы, в самом углу. Как сейчас помню, кабинет №27 – «Русский язык и литература». Для того, чтобы набрать и вылить воду, необходимо было пройти через всю школу и спуститься на первый этаж в мужской туалет. Идти минут пять, но с полным ведром воды эта задача совсем не радовала наши 13-летние организмы.

Набирать-то мы, конечно, набирали, куда деваться, а вот тащиться выливать грязную после помывки полов воду никому не хотелось. Поэтому был придуман очень тупой, но казавшийся нам гениальным план. Мы просто открывали окно и выливали воду из ведра на улицу, где под окнами росли большие березы.

Делалось это неоднократно, так что даже обсуждений никаких не было. Деревьям же хорошо, полив. А что стены

школы забрызгиваем и мелкий мусор туда же с водой попадает — это детали, о которых мы не думали.

Разумеется, прежде, чем сделать своё мокрое дело, мы оглядывали окрестности, чтобы на улице не было никого из преподавательского состава. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Именно в тот день, аккурат в это время из школы выходила наша монументальная классная руководительница Лидия Трофимовна. Мы об этом узнали, когда она вихрем влетела в наш кабинет и начала на нас орать, попутно задавая каверзные вопросы. Мы вяло пытались оправдаться, тогда она выстроила нас в ряд и стала поочередно спрашивать, кто это всё придумал и реализовал. Любимая учительская забава, все проходили.

В общем, воду в этот раз выливал даже не я. Но когда допрос дошел до меня, то я начал неловко пытаться выгородить товарища. Получалось плохо. Учительница сказала, что врать я не умею, на лице у меня всё написано, и пытаться даже не надо.

Эти слова я запомнил на всю жизнь, потому что она была права. После этого случая я предпочитал быть наказанным, но не говорить неправду. Я всегда избегал вранья, потому что понимал, что никого обмануть не смогу. А выглядеть глупо никому не нравится, даже мне.

Только в книжках Аркадия Гайдара быть честным хорошо и почетно, в жизни же это доставляет много трудностей. Например, спрашивает тебя девушка: «А ты же до меня с кем-

то уже целовался?». И ты честно отвечаешь: «Нет, ни с кем, и не умею даже». И слышишь грохот, с которым падает интерес к твоей персоне.

Ты, например, вообще не можешь изменить своей женщине, это тухлый номер. Причём ты не можешь ни потенциальной любовнице наврать, что у тебя никого нет, ни свою женщину обмануть.

Ты не можешь продвинуться по карьерной лестнице, потому что в тот момент, когда тебя спрашивают, что ты думаешь о проделанной работе, ты отвечаешь честно: «Могло быть и лучше».

Ты не можешь сделать вид, что человек тебе нравится больше, чем это есть на самом деле. И люди тебя за это не любят.

Ты не можешь плеснуть долю популизма в свои посты и стать ультрапопулярным блогером. Когда ты что-то прохлопал – ты честно об этом сообщаем, разочаровывая всех. Когда у тебя что-то не получается, ты не умеешь сделать хорошую мину при плохой игре. Такой дурачок, который сам себя топит.

Вы даже не представляете, как сложно было в подростковом возрасте отпроситься у родителей на ночь. Помогало только то, что никто всё равно не верил, что я стану пить, курить и портить девок. Даже мои родители в это не верили. Так что я говорил как есть – «тут все пьяные, мы ржём и домой неохота, утром приду трезвым и один». Так и случалось.

Но отпускали не всегда. Потому что родители есть родители.

Или вот когда тебя спрашивают: «Чего ты такой грустный?», ты начинаешь объяснять причину. А ведь никого всерьёз не интересует, что там у тебя случилось. И ты знаешь, что им не важно. Но соврать, что все отлично, не получается. Не поверят.

Понятно, что с такими данными я ни разу в жизни ничего не продал. В лучшем случае у меня покупают мои статьи, потому что сразу видят, какие они есть. Приукрасить никак не получается. А самое страшное – это когда тебя просят сделать презентацию, рассказать, как ты прекрасен. Господи, это же адовы муки, потому что я-то про себя всё знаю, и хорошего там не так много, как плохого. Здесь надо красиво врать, но красиво не получается.

По чесноку, единственное, на что ты можешь рассчитывать, если не умеешь врать – это на уважительное отношение со стороны друзей-мужчин, с которыми ты не имеешь никаких финансовых дел. Во всех остальных случаях ты в проигрыше. Но, конечно, некоторая доля самоудовлетворения присутствует – они все нечестным путём уже миллионеры, а я нищий, зато всё сам. Как у Башлачёва: «Пушай он, гад, подавится Иудиными корками! Чужой жратвы не надобно. Пусть нет – зато своя!»

Словом, врать я уже никогда не научусь. Это очевидно всем, кто со мной знаком. Права была Лидия Трофимовна. Себя не переделаешь.

И в этой книге я врать не буду даже пытаться. Всё, что здесь написано – правда. Даже то, чего никогда не происходило.

Внутри шкафа

Когда на улице буря и балконные окна закрыты, то у меня дует из балконного шкафа. Хлопает дверцами, шумит, звенит чем-то, волнуется.

Тогда я понимаю, что даже у шкафа есть свой внутренний мир, где по бескрайним полям скачут вольные кони, ветер нагибает к земле ковыль и облака бесшумно стремятся к горизонту. Есть наполнение и смысл. И красота, и воля. А не только старые грязные кастрюли и коробка от мясорубки, как кажется многим.

Бабушки

Я родился и вырос, а также прожил первую половину жизни, на окраине города в забытом Богом районе с уютным названием Мехпоселок. Есть там большой четырехэтажный дом с кафе «Тушпара» и гнетущим запахом тлена, веющим из подвала, один такой на всю округу. Это мой.

Дом построили где-то в конце 60-х и был он ведомственным: принадлежал Министерству автомобильных дорог, а точнее – заводу дорожных знаков. И сам бывший директор этого завода, который постройкой нашего дома руководил – жил с нами на одном этаже и был мне названным дедом. И его вдова живет там до сих пор, веселит моего отца. Осколок советской министерской щедрости, тонущий в болоте капиталистической реальности.

Разумеется, что квартиры в этом доме тогда выдавали, в первую очередь, ветеранам и заслуженным людям завода. Во всяком случае, такова легенда.

Ветераны и заслуженные жили, старели, взрослые дети от них разъезжались, а сами они понемногу умирали. К концу 90-х большинство дедов, которых я знал в детстве, отправились на тот свет, а в доме остались жить их жёны. Все же знают, что у нас в стране модно выходить за мужчин постарше, хотя мужики успешно умирают в шестьдесят лет, а женщины прекрасно доживают до восьмидесяти. Этим ра-

чительные женщины «обеспечивают» себе 20—30 лет захватывающей одинокой жизни на пенсии. Потому что даже дети их не всегда так долго живут, как эти бабки. Считайте, всю мою сознательную жизнь эти женщины уже были на пенсии. А мне не так мало лет.

В общем, в моем доме была и сейчас ещё есть высокая концентрация старушек, которые, к тому же, все знают меня с рождения. Прожив бок о бок более сорока лет, эти милые бабушки накопили друг к другу большое количество претензий, вопросов и невысказанных замечаний. Понятно, что последние лет пятнадцать, когда они достигли возраста, в котором сходить в соседний подъезд также сложно, как слетать на другую планету, они виделись редко. Но когда-то, я подозреваю, они активно общались. Были времена, когда они сидели стайкой на двух лавочках напротив моего подъезда и перемывали всем кости. Потом кто-то эти лавочки сломал к чёртовой матери. Даже не знаю почему.

Однажды, когда я ещё жил в этом доме со своей семьёй, кому-то из соседей в голову пришла гениальная идея – отметить День рождения дома. Я уже не помню, как там это подсчитали, но выходило, что дому исполнилась круглая дата, и надо бы устроить во дворе фестиваль с файер-шоу и чапушками. Стали мозговать – кто чего может сделать. И вышло, что я должен делать для всех плов в большом казане на детской площадке. До сих пор не понимаю, как я мог на такое подписаться.

Признаюсь, было страшно. Это своеобразное чувство, когда ты всю жизнь живешь с людьми по соседству, знаком с ними, вы друг про друга что-то знаете, но, по сути, никогда толком не разговаривали. А тут пловом их накорми. Предчувствуя неладное, я удалился со своим костром в самый угол площадки, под сень хилого карагача, стал жарить мясо и тихо наблюдать.

Из всех четырех подъездов медленно выплывали согбенные силуэты и устремлялись на запах дыма. Мест за длинным столом было много. Готов поспорить, некоторые из этих людей не сидели за одним столом с 1975 года. И вот они все, нехотя, но собирались. Шумовка в моих руках подрагивала, на лбу выступала испарина, смеркалось.

Самыми тяжелыми были первые полчаса, пока ещё не успели поддать, но всем хотелось наконец выговориться. Кто кого затопил, кто кому не то сказал, и чей сын выбил окно много лет назад. В своих претензиях они даже дошли до вдовы бывшего директора завода и спросили её: «А на хрена вы выбрали такое дурацкое место для нашего дома? Получше места не было?». Вдова послала их подальше, но разговор продолжила.

Я молчал, я трусливо прятался за тонкий карагач и остервенело переворачивал тлеющие дрова железным прутом. Где-то неподалеку прогуливался дух Сталина под ручку с Берией, я это чувствовал вспотевшей спиной. Из шкафов вынимались такие скелеты, о которых я даже и не подозревал,

вспоминались ушедшие и переехавшие, назывались давно покрытые пеплом забвения фамилии.

А потом алкоголь и сытная еда всё-таки сделали свое дело. Мне сообщили, что я молодец и всегда был молодец, и мама у меня была молодец, и бабушка была хорошей женщиной, хоть и умерла. И вообще мы все соседи, должны дружить, и что там этот Назарбаев себе думает, совсем обнаглел.

Под вечер пришли с работы более молодые соседи, бабульки разошлись, загремела музыка и начались танцы. А я отправился мыть свой большой казан. Только одна из старушек поймала меня за пуговицу и тихонько сказала: «Ты наши разговоры не слушай, мы уже старые, наше время прошло. У вас там своё уже на уме». И ушла домой. Я даже не успел ничего ответить.

Проспект Абылай-хана

Я многое знаю о жизни и о любви. Знаю изнанку высоких чувств и цену редких моментов счастья. Знаю, куда катится телега и сколько ещё плыть кораблю.

Но это не потому, что я такой мудрый, много читал и даже полностью смотрел «Трудно быть Богом» Алексея Германа. Хотя, ладно, и поэтому тоже. Но, в основном, всё-таки потому, что живу рядом с проспектом Абылай-хана.

А что такое проспект Абылай-хана в городе Алматы? Это бывший проспект Коммунистический, до этого – проспект Сталина. Ещё раньше это была улица Вокзальная. А до того – улица Старокладбищенская.

Но это я слишком далеко в историю ушёл. Улица Вокзальная – вот то, что нужно. Всегда она такой была и остаётся. Приходят поезда, люди с чемоданами восторженно разглядывают памятник Абылай-хану, плывет простуженная разноголосица таксистов. Постоянная суета, все ищут ЦУМ, в троллейбусах пахнем самсой, гудят в шесть утра поезда. Отсюда, если вы не знали, все приезжие начинают покорять Алматы. Который слезам не верит, зато отлично верит банкнотам и банковским картам. Здесь самое начало.

А ещё по этой улице Вокзальной снизу доверху стоят тёточки с ключами и сдают квартиры. По часам. Не для того, чтобы там ночевать, как вы могли бы подумать. А для того,

чтобы мальчикам и девочкам было где любить друг друга, как пелось в известной песне Майка Науменко.

Я сверяюсь по этим тётечкам – насколько я ещё в форме, презентабельно выгляжу и способен, по их мнению, на плотские подвиги. Вечерами я гуляю с девушкой по улице, и нам наперебой предлагают квартиру. Значит, мы ещё производим впечатление молодых, влюбленных и желающих. Спина моя выпрямляется, живот втягивается, рука тянется к женской талии. Шутим. Каждый раз одинаково шутим и смеёмся. Приятно.

В моём возрасте секс – это уже больше искусство, чем спорт, поэтому мы квартиру не берём.

Но вокруг ещё много таких, кто желает уложиться в один час. Вот парочка. Он – немножко небритый, слегка прогнутый в коленях и мужественно-подбородочный. Она – тоненькая, обтянутая подчеркивающей талию одеждой и манящая. Губы, волосы, глаза с поволокой. Хоть сейчас. Оба молоды. Подходят к нашим тётечкам.

Она смотрит в сторону, держа дистанцию, и молчит. Он тихо договаривается о цене. В воздухе искрит электричество. Он кладёт в карман ключ и уверенно направляется к цели, она берёт его под руку и невольно покачивает своим женским естеством, вгоняя в пот окружающих мужиков. В его рюкзаке позвякивает что-то стеклянное.

Смотрю им вслед и немного завидую. Не тому даже, что у них сейчас будет, а потому, что у них есть вот это всё –

ватные ножки, прерывистое дыхание, принужденно громкий смех, потные ладони. И ветер путается в её волосах, словно бы понимая, что дальше порога его не пустят. Это праздник на двоих. И они в этот момент такие живые, искренние. Предвкушение.

Чаще за ключами подъезжают на машинах. Приоткрытое окно, рука, сжимающая деньги, лёгкое движение в салоне. Тётеньки с предложениями набегают сразу стайкой, водитель немного смущается, девушка на пассажирском сиденье прячется за бронёй солнцезащитных очков. Здесь уже наблюдать незачем. Умчались и только тонкий флёр духов рассеялся в придорожной пыли. И мы никогда не узнаем – было ли им в действительности так хорошо, как мы себе это представляли.

Так вот и живу в самом эпицентре любви, на переднем крае квартирного вопроса.

Весной у тётечек с ключами работы много. Они не всегда чувствуют пикантность момента, не всегда умеют проявить необходимый такт. Поэтому, если приглашаете девушку на свидание, то к нам на Абылай-хана приходите не сразу. Сначала дождитесь подходящего момента. У нас тут оплата почасовая, жеманиться некогда. И, конечно, предохраняйтесь. Берегите себя от разочарований и всяческих неприятностей. Кстати, у меня четырёхкомнатная. Договоримся, если что.

Про чиновников

Моё голозадое детство прошло в славном районе под названием Мехпоселок. Никакого поселка там сто лет как не было, а был четырехэтажный ведомственный дом. Сильно до моего рождения он был построен заводом дорожных знаков.

Директором завода был наш сосед по лестничной площадке. Конечно, когда я его знал, он уже был ветераном и пенсионером, а до того он был директором и принимал решение построить дом для себя, в том числе, в этом странном месте, рядом с рощей Баума.

Не знаю, как это место выглядело изначально. Скорее всего, там был частный сектор, ковыль и лягушки. Ещё много лет стоял неподалеку ничейный частный дом. Мы с ребятами лазили туда рассматривать предметы давно прервавшегося быта. Но вот приглянулось чем-то именно это место. Построили наш четырехподъездный дом с большим двором, провели индивидуальную трубу с отоплением, качельки вкопали. Вокруг стояли хрущёвки с титанами, чтобы вы понимали. Так что у нас был дом вполне себе элитный, сейсмозащищенный.

Через некоторое время аккуратно во дворе дома решили построить детский сад «Дюймовочка». Опять же, я ещё не успел родиться тогда, и свидетелем не был, но старожилы

говорили, что под детский сад забрали изрядную часть двора. Дескать, для ваших же детей. Вроде места навалом во-круг, а надо было именно так.

Построили огромный детский сад. Я таких больших, на-верное, и не видел в Алма-Ате. Двухэтажное затейливое зда-ние, прачечная, кухня, группы, десяток участков с двух сто-рон, бассейн, огород. Я ходил в этот сад какое-то время, по-этому знаю. Масштабный был проект и работал много лет. И мы лазили туда через забор и гуляли там, пока сторожа не запретили. Кто-то даже умудрялся там с девками цело-ваться. Но это я вперёд забежал.

Когда я ходил в этот сад, то у моей группы был участок прямо напротив моего подъезда. Ну, потому, что я вообще победитель по жизни. До сих пор помню, как я стоял во вре-мя прогулок возле сетчатого забора и смотрел на выходящих соседей. И даже бабушку свою иногда видел. Тот ещё идио-тизм. Детки в клетке.

Потом детский сад закрыли на ремонт, я ушел в другой, потом опять открыли, но я пошёл в школу.

В школьные времена у нас была какая-то дворовая тусов-ка, где я был одним из самых младших, и на летних кани-кулах мы слонялись по двору. А двор был уже совсем обыч-ный – электробудка, парковка, на которой мы играли в фут-бол, пара деревьев, песочница и качели. Остальную часть двора занимал забор детского сада.

Но был еще у другого конца дома прилегающий к детско-

му саду участок земли. Когда-то на нём располагались газгольдеры, но потом дом перевели на природный газ, и кусок земли площадью в сто квадратных метров оказался пустым и неприкаемым. Там колосилась крапива и строили любовь кузнечики.

И вот, значит, слоняемся мы, прыгаем с забора на скорость, строим шалаши из конопли. От скуки померили уже длину дома в шагах, наигрались в Монополию. И тут кому-то из нас приходит мысль: а давайте напишем в акимат письмо, чтобы на этом участке земли нам сделали детскую площадку.

Надо заметить, что на дворе стояли 90-е годы, и, в принципе, можно было написать в акимат, что ты уже умер – едва ли кто-то бы отреагировал. Но мы же дети, советские ещё дети, а значит, верим в силу государственного управления. Тем более, были среди нас пацаны постарше, которых мы всегда слушали.

Стали писать письмо. Писали всей толпой, ничем не ограничивая свою фантазию: пусть нам поставят тренажеры, турники, теннисный стол, навес, песочницу, новые качели, кустов насадят. Проекты такие придумывались, что Нью-Васюки просто нервно курят в коридоре. В умах уже разворачивались настолько фантастически картины, что нынешним детям и не понять. Было прямо весело. Тем более, взрослые нас поддерживали: а то как же, старушки всегда любили что-нибудь затребовать у власти.

Письмо мы написали и даже отправили. В ответ через ме-

сяц приехала машина и огородила наш участок маленьким заборчиком высотой в полметра. В середину без всяких за-тей насыпали гору песка, воткнули ржавую горку и уехали. Это всё. И хотя это было ничем не похоже на наши желания, мы всё равно считали это своей победой.

Сколько мы ковырялись в этом песке и ходили, как воз-душные акробаты, по этому заборчику – не пересказать. Это был наш штаб и наша собственность. Здесь надо ещё напи-сать, что на этой горке я и лишился невинности, но нет. Толь-ко ударился пару раз.

Потом времена изменились опять. Детский сад продали частной школе, потом сделали из неё призывной пункт об-ластного военкомата. Построили глухой каменный забор, от-жали нашу площадку и огородились железными воротами.

Правда, жители возмутились, и удалось отобрать у воен-комата территорию как раз моего детсадовского участка, где я гулял – напротив моего подъезда. Там сделали детскую площадку со скамейками и горками. Военные оказались сго-ворчивей, чем воспитатели. Так что моим детям тоже уда-лось вырасти на этой детской площадке.

Но, в целом, двор мой сейчас выглядит точно также, как в моем детстве. Разве что парковка теперь действительно парковка, а я там больше не живу. А вот отношения с госу-дарственными органами как-то с тех пор и не складываются. Ничего не могу с этим поделать.

Добрые люди

Иногда я встречаю по-настоящему добрых людей. Искренних, светлых, таких, которые всегда рады тебя видеть. Откуда я знаю, что это искренне? Чувствую, наверное. Бывает так, что даже не сомневаешься – это настоящее.

Бывает и другое – когда человек тебе улыбается, а ты ощущаешь на дне его улыбки такую мутную черную водицу, понимаешь, что там внутри всё иначе. Это чаще.

А вот по-настоящему добрых мало. Очень сложно быть добрым в нашем мире. Особенно с людьми. Я видел немало тех, кто делает хорошие, важные добрые дела, но в личном общении продолжается оставаться холодным и нервным. Потому что доброму человеку легко сделать больно, он открыт, а злого фиг обидишь, он первый тебя обидит.

Но, с другой стороны, когда ты чувствуешь, что человек добр к тебе, ты и не хочешь его обижать. Искренняя доброта обезоруживает, ты улыбаешься в ответ и не знаешь, что сказать. Это настолько потрясающе, что во всем твоём огромном оружейном арсенале не находится ни одного подходящего слова.

А хуже всего таким, знаете, средним. Они не добрые и не злые. Как в одной песне пелось «я добрый, но добра не сделал никому». Вот нас таких большинство – мы не можем ни нападать с чистой совестью, ни отбивать атаки лу-

чами искреннего тепла. Делаешь что-то хорошее, так обязательно скажешь гадость. Делаешь что-то плохое, так застыдишься в итоге. Ни вашим, ни нашим.

И вот что интересно – я никогда по-настоящему не дружил с добрыми людьми. Думал, что дружил, а на самом деле только находился рядом. Я не знаю, как они дружат, что они делают для своих друзей. Потому что даже когда ты просто приятель, тебе достается сильно больше тепла, чем от некоторых друзей. А что же происходит, когда ты друг? Не приходилось этого ощутить.

Я добрых людей люблю издалека, люблюсь, стараясь не запачкать своей грязью. И радуюсь, что они есть. Они меня тоже.

Осень

Кругом разговоры только про курс валют и про деньги, а тем временем на улице осень. Теплая, задумчивая, ласковая. Я только сейчас увидел. Как будто спал и проснулся.

Ярко-зелёная трава, на ней пожухлые дубовые листья, а над ней бесконечное голубое полотно неба. И лёгкий ветерок треплет мысли в непокрытой голове. Время сидеть на веранде, выходящей в старый запущенный сад, в кресле-качалке, курить, пить кофе и читать что-то такое рассудительное, многословное и серьезное.

А лучше – писать. И чтобы непременно позвали к обеду. Не сам чтобы пошёл, а чтобы выпорхнул кто-то легкий и любимый из дверей, ведущих в дом, и пригласил: извольте-с откусать, старый вы осёл. И ты бы пошёл, улыбаясь, оставив недокуренный кальян тлеть фруктовым дымом. А старый сад стучал бы по крыше созревшими грушами и покачивал ветвями высоких старых и давно не родящих вишен.

Осень – это увядание, от которого мне, наоборот, остро хочется жить. Пронзительно и звеняще. И не страшно ничего осенью, если почувствуешь её смысл. Внутри просыпается такое, о чём давно и думать забыл. В этих остывающих солнечных пятнах, в расслабленной тишине природы, в каждом движении уставшей души кроется неверная тень счастья, поющее ожидание перемен, удивление открывающемуся тебе

миру.

Учусь ходить заново, учусь видеть без очков, учусь чувствовать вкус еды. Ещё не умею, но уже хочу научиться. И мне помогают. Осень своих не бросает.

Улица Октябрьская

Пока стоят тёплые болдинские погоды, я частенько хожу на работу пешком. Экономлю и оттягиваю момент наступления мирового топливного коллапса. Хожу по самому, что ни на есть, старому центру Алматы – так уж мне повезло.

Мне очень нравится передвигаться по улице Октябрьской. То есть, по Айтеке би, конечно. Она такая очень алма-атинская – тихая, тенистая, не особенно людная. С утра там встречаются одни сонные студенты.

Идёшь себе, думаешь о вечном. Обязательно о вечном, потому что улица очень символическая. Всего за пять минут я преодолеваю расстояние от мужского клуба до морга. Через центр ревматологии и институт кардиологии. Это как маленькая жизнь – тут только о вечном думать положено.

К тому же, в институте кардиологии обитают самые просветлённые люди, каких я видел. Они очень медленно ходят, никуда не спешат, не нервничают, внимательно слушают себя и окружающее пространство. Они что-то знают, чего мне ещё знать не пора. Но на их фоне я как-то тоже успокаиваюсь, шаг становится ровнее и мирские заботы уже не так сильно волнуют.

Про обитателей морга я и не говорю. Я вижу обитателей пивнушки-моргушки, что находится непосредственно рядом с мертвецкой. Там проводят свой досуг железные люди,

не отягощённые предрассудками и страхами. Сидят, попивают копеечное пиво и молчат. Ибо о чём говорить? Но это не утром, конечно, это уже вечером – когда я двигаюсь домой, воскресая от морга до мужского клуба, потом через гастроном и Арбат, и уже абсолютным живчиком, хоть и усталым, в лоно любимой семьи.

Каждое утро я снова и снова прохожу этот короткий путь от жизни к смерти и назад по улице Октябрьской. То есть, по Айтеке би, конечно.

Пятница

К пятнице накапливается.

Накапливаются претензии к себе и к миру, накапливается грязь на подошвах и усталость тяжелой изжогой оседает где-то в районе солнечного сплетения. Хочется её выплюнуть, но уже невозможно – нужно переварить.

На улице влажная хмарь тёплым смрадом растекается по крышам грязных автомобилей. А гор нету вовсе – они обложены белой пеленой тумана. Ни дать, ни взять – роман Стивена Кинга. Мгла, внутри которой живут монстры. Хотя главные монстры, конечно, живут в голове и в корпоративной почте. Там есть чего бояться, как мы все понимаем. А в тумане живут только заблудившиеся ёжики и острые ветки облетевших деревьев. Но всё-таки белёсое ничто подавляет, сужает рамки осязаемого мира.

Этот ноябрь похож на прелюдию перед сексом. Когда мальчик Кай уже разделся, приготовился, даже немного взмок, а его Снежная королева ещё задерживается где-то в своей снежной уборной. И вождение потихоньку сменяется равнодушием, и одеваться уже как-то глупо, потому что придёт ведь всё равно, но и раздетым оставаться – совсем неприлично. Да и холодно. Да и обидно. Да и надоело. Да и с чего Кай взял, что это будет именно секс? Томительно.

Разные мысли бродят по утрам в моей заросшей голове.

Но сегодня пришла странная: хочу грибного супа с рисом. Или рисового с грибами. Хочу и всё тут. Не знаю, откуда я это взял, не уверен, что мне это вообще понравится, но вечером буду варить суп. Ноябрь – достать грибов и плакать.

А в целом, нормально всё. Выспаться только надо. И супа.

Новогодние подарки

Моя мама была человеком мягким и добрым, но не чуждым чувства юмора. Троллила она меня редко, беззлобно, но зато всегда в цель. Во многом ещё потому, что я этого никогда от неё не ожидал.

Было это в 90-е. Я был уже вполне подростком, мне всё не нравилось, и родителям, порой, приходилось со мной нелегко. Дело шло к Новому году, а я уже, конечно, знал о том, что никакого Деда Мороза нет. Помню, что в прошлый Новый Год мне подарили свитер, и я был подарком недоволен. Запомнил и решил исправить ситуацию своими силами.

В преддверии очередного праздника я завел с мамой разговор на тему того, что одежда, косметика и средства личной гигиены – это никакой не подарок. Потому что тапочки или мыло покупать всё равно придется, а подарок должен быть чем-то необычным, чего мне так просто не купят в обычные дни. В подарок хочется получать особенное.

Мне, видимо, не удалось дипломатично донести эту мысль, потому что маму она задела. Это я понял в канун праздника.

Утром 31 декабря я проснулся в своей залитой солнцем комнате и обнаружил рядом с кроватью большой пакет. Дома никого не было, а на пакете лежала записка: «Я приходил, а ты спишь. Дед Мороз».

Полный сладкого предвкушения, я стал жадно разбирать содержимое пакета. Мыло. Зубная паста. Зубная щетка. Шампунь. Ватные палочки для ушей. Дезодорант... Полный солдатский набор. Можно год в магазин не ходить. И смех, и грех.

Обижаться на маму было глупо, потому что сам виноват. Этот урок я усвоил навсегда. Но всё равно было хорошо и весело. Потому что детство.

Праздники

С возрастом праздники стали заканчиваться раньше. Не потому, что надо работать и всё такое: как раз работы сейчас совсем немного. Но вот закончились как-то вдруг.

Раньше до Старого Нового года удавалось донести ёлочное настроение, а сейчас спешить куда-то. Быстро наелся оливье, быстро стрельнул петарду, быстро повалился лениво на диване и всё – пора дальше в будни. А то вдруг чего пропустишь или деньги не получишь.

Обидно то, что январь пока не приносит ни денег, ни интересной работы. Но и праздники продолжить внутри себя не получается. Туплю второй день, сериал смотрю. Но уже не с полным правом, не как в каникулы. Уже как-то стыдно. Без всякого удовольствия. А ну как участковый придет, спросит: где регистрация и почему не на работе. Что я ему скажу? С Новым годом?

Счётчики

В детстве мы втыкали наушники в микрофонный вход магнитофона «Электроника» и орали в динамики со всей мочи. Получалось тихая, но запись наших голосов – наушники работали как микрофон. И было абсолютно понятно – это чудо. Чудо и всё. И вопросов задавать не надо. Всё равно это нельзя объяснить человеческими понятиями.

А сейчас не так. Сейчас научно-технический прогресс идет по пятам и бьёт по голове регулярно. И вопросы не заканчиваются вообще. Я ещё не успел отойти от дронов, снимающих концерты, не перестал пугаться гироскутеров, а тут новое потрясение.

Звонит мне в субботу приятный женский голос и в такой немного обиженной тональности сообщает, что мне пора менять водяные счётчики в квартире. Время, говорит, пролетело, сроки истекли.

И прямо чувствуется, что если я прямо сейчас не соглашусь – закатит скандал, не отходя от кассы. Я мужик опытный, я эти интонации знаю. С женщиной лучше соглашаться. Так что не спорю: хорошо, говорю, дорогая, поменяю, дайте только номерок мастеров. Но она не отстаёт и номерок не даёт – записывает заявку на понедельник и игриво прощается. Добилась своего и довольна, сами понимаете.

А сегодня к назначенному времени приехали мастера –

дюжие такие ребята, косая сажень в плечах, глазищи, ручищи. Мастера по замене водяных счетчиков, представьте себе. Поменяли они мне мои старорежимные дедовские счётчики на импульсные.

Знаете, что такое импульсный счётчик? Это точно такой же счётчик с цифрами, только из него торчит провод. Ходят легенды, что потом придут секретные айтишники и подключат к проводу модем. Тогда этот модем будем сам отправлять показания счётчиков в обслуживающую компанию. Или в иной масонский орден, на ваш выбор.

Слушайте, я думал, что уже и не доживу до таких времён – не надо самому отправлять показания. И даже заполнять ничего не надо? Чем я вообще тогда заниматься стану в свободное время?

Но вот что странно – акты составили, а про айтишников с модемом ничего не сказали. Когда придут и придут ли вообще? Или это только после успешной реализации Национальной программы модернизации? Не знаю. Но это прямо круто. На уровне наушников в микрофонном входе. Я даже трогал провод – хороший, многожильный. Надо только его еще изолентой обмотать, чтобы соседские показания случайно не поймал. А то они шибко мыться любят, транжиры.

Сижу вот теперь, жду, чем меня дальше наука и техника удивлять станут.

Ленинская тетрадь

В первом классе я учился в 1988 году, когда советская действительность ещё не успела кануть в лету. Все одноклассники были октябрятами, учили наизусть советский гимн, Ленин на стене висел.

Помню, мы писали в прописях и тетрадях, получая за это оценки. За каждые пять пятерок на тетрадь наклеивалась красная звездочка. А тем, кто набрал пять красных звездочек, разрешалось один урок писать в Ленинской тетради.

Это была такая общая на весь класс тетрадь, которая хранилась в шкафу. Писали в ней только отличники, по очереди. Очень к этому стремились и очень старались, когда выпадал такой шанс.

По сути, за три учебных года в Ленинской тетради отметились всего человек пять из всего класса, но и мне пару раз довелось попортить общую картину своими каракулями. Словом, это был стимул и большая ответственность. Почему-то мы тогда хорошо понимали, зачем это.

Сегодня обсуждали новую систему оценок у нашего первоклассника Тимы. В школе им наклеивают в тетрадь всякие фигурки, типа рыбок или белочек – каждая означает определенную оценку. Есть также наклейка «Ты – молодец!». Я предположил, что должна быть и наклейка «Ты – бестолочь и будешь работать дворником!», но такой никто из детей

не видел.

К случаю я стал рассказывать детям про Ленинскую тетрадь. Дескать, вот у нас тоже была похожая система.

– Какая тетрадь? – переспросил четвероклассник Егор.

– Ленинская.

– А что в ней было особенного?

– Ну, она была одна на весь класс, в честь Ленина – нашего вождя.

Ребенок отвернулся к троллейбусному окну и замолчал. Иногда я думаю, что в их представлении родители в детстве охотились на мамонтов и бегали в набедренных повязках. Потому что понять эти рассказы про наше советское детство им никак невозможно.

Фисгармония

Мне было совсем мало лет, я даже, наверное, ещё в школу не ходил, когда родители притащили в дом фисгармонию.

Тут надо знать моего отца. В какой-то момент они с мамой вернулись из магазина и загадочно объявили: «Завтра привезут фисгармонию. Будете играть». Слова я такого не знал, как и не догадывался о мотивах моих родителей, поэтому напредставлял себе чёрт знает чего. Но играть – это я любил. Причем не музыку.

В означенный день в доме появилась штука навроде пианино, только с ножками. К клавиатуре на пару октав снизу крепились специальные меха, которые были соединены с педалями. До сих пор удивляюсь, где её отыскиали мои родители. К ней также шла малюсенькая табуретка, на которую и ребенок-то помещался с трудом.

Для игры необходимо было интенсивно нажимать по очереди педали, подавая воздух в меха, и на клавиатуре изображать мелодию. Фисгармония издавала звуки, больше всего похожие на стон раненого кита, а сами меха скрипели громче, чем звучала музыка. Ну, как музыка – из нашей семьи исторически никто никогда не играл на клавишных инструментах, а я так и вовсе всю жизнь был максимально музыкально не одаренным человеком.

Для себя я решил, что это такой специальный аккордеон

с ножным приводом. К слову, детский аккордеон в доме тоже имелся, и на нём тоже никто играть не умел.

Я до сих пор не знаю, чем так привлек родителей этот инструмент. Полагаю, что подкупила возможность для детей одновременно заниматься музыкой и физическими упражнениями, потому что на педали нажимать было сложно, как на тренажёре. А может, родители начитались книг про аристократический быт дореволюционной России, где приличный дом без фисгармонии и представить себе было нельзя.

Только вышло всё не так. Я сосредоточил свои усилия на навыке быстро и сильно нажимать педали. Музыкальная часть мне была не слишком понятна и интересна.

Когда я садился музицировать, всё вокруг затихало. Птицы за окном прятали головы в лужи, соседи срочно уезжали к тетке в Узун-агаш, родители закрывались в своей комнате и тревожно начинали обсуждать моё будущее.

Чаще всего я обнаруживал, что в комнате я один, и будущее моё туманно. Я неистово качал воздух педалями и нажимал клавиши в случайном порядке. Фисгармония плакала и просила о пощаде, меха стонали, стульчик скрипел под моей целеустремленной задницей.

Короче, с музыкой у меня не сложилось. И я не знаю больше никого, кто играл на фисгармонии. Сам я позже активно переключился на барабаны, которые мне покупать уже не стали.

Инструмент же тихо простоял в углу ещё много лет, по-

ка его не подарили кому-то из знакомых при переезде. Зато теперь я при случае рассказываю, что рос в интеллигентной семье, где по выходным мы ели суп из фарфоровой супницы и музицировали на фисгармонии.

Что до родителей, то они с тех пор говорили: «А зачем тебе музыка, ты ведь отлично пишешь буквы?» А главное, их можно не читать, и ты никогда об этом не узнаешь.

Про жизненные достижения

Беседовал по скайпу с другом. Он показывает мне видеоролик: человек собрал модель самолета с самодельным реактивным двигателем. Самолет даже летает, только зажигать двигатель приходится газовой горелкой.

– Видишь, – говорит мне друг, – как люди умеют руками делать. Всё сам придумал, собрал, склеил, завёл. Вот как хорош человек в своём деле.

– Да, – отвечаю. – А я вчера духовку открывал и паром себе нос обжёг. Он теперь облазит.

Лето 2017

Лето – штука не для слабаков. Особенно алматинское. Обжигающее, потное, наполненное пылью и стуком задорных соседских перфораторов. Город, словно после войны, распластался своим обнаженным чревом под равнодушным небом.

В такие моменты хорошо видно, как мало стоит наша хваленая цивилизация и урбанистический снобизм – какие-то полметра потрескавшегося асфальта и два копка ковшем экскаватора отделяют нас от раскаленной глины, помнящей поступь коней монголов и доисторические закаты. Это мы думаем, что мы здесь давно и всерьез, а под лёгким камуфляжем гранитных бордюров лежит всё та же сухая земля и ничего в ней не изменилось. Хотя сейчас садись на коня и поднимай пыль глухим стуком копыт. Можно посмотреть, что там было вместо Арбата тысячу лет назад. То же, что и сейчас – унылое пустое ничего.

Лето – это такое время, когда ты обречён не успевать. Каждое утро ты просыпаешься и не успеваешь. Просто потому, что ты не просыпаешься в уютном бунгало на берегу ласкового моря и не пьёшь капучино на залитой солнцем террасе.

Ты находишь себя распластавшимся на мокрых простынях тюленем, забившимся в самый дальний угол кровати –

подальше от убийственного зноя, льющегося в распахнутое окно. Где-то злобно гудит трактор, управляемый человеком, который ненавидит тебя за то, что сам проснулся на пять часов раньше. И его ненависть тоже влетает через антимоскитную сетку в твоё окно.

Еще один летний день мимо. Это не похоже ни на тенистую дачку с изумрудным ручейком, ни на уютную горную полянку, ни на брусчатую улочку старого города. Это алма-тинское лето.

Зимой ведь не так – каждый прожитый день радует своим уходом. Чуть ближе до весны, чуть меньше осталось мёрзнуть и работать. А лето начинается тягостными мыслями о том, как его хорошо провести, продолжается терзаниями по поводу уходящего зря времени и заканчивается сожалением о несделанном. Поэтому я люблю осень. Осенью ничего не жалко, она происходит здесь и сейчас – без планов и сожалений.

Кроме всего прочего, летом у меня день рождения. Он в начале августа, и всегда омрачён мыслями о том, что лета-то осталось совсем чуть-чуть.

Помню, в детстве я горячо ждал дня рождения, а, дождавшись, приходил в ужас от того, что дальше уже надо не ждать, а растягивать время, чтобы подольше не наступило ненавистное первое сентября.

Теперь день рождения у меня занимает недели две. Где-то с середины июля просыпается сезонная хандра, начина-

ся упадок сил и череда мелких неприятностей. На фоне изнуряющей жары и общей усталости это проходит особенно муторно. И ещё не забываем про сожаления о двух бездарно потерянных летних неделях.

Отдельная пытка – когда ты назначаешь начало отпуска на свой день рождения. Получается комбо. Недели перед отпуском традиционно наполнены суетой и авралами, а недели перед днём рождения радуют упадком сил и плохим самочувствием. И лето. И город. И жара. И сожаления.

Я никогда не был там, где лето продолжается круглый год. Интересно, как они с этим справляются? И чего ждут? О чём пишут в Фейсбуке*, в конце концов? Неурожай жемчуга в этом году – проклятый акимат замутил всю воду? Очередная яхта сбила дельфинёнка – будет ли виновный наказан? Дикие рыбы нападают на простых рыбаков? И статусы: «Осталось всего 10 месяцев лета, а ты всё ещё не убил крокодила», «Девять месяцев лета просрано, не просри следующее лето через три месяца»? Скукота.

**Facebook – проект корпорации Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории РФ*

Гарбуз

Было мне лет семь, и мы с родителями смотрели по телевизору колоритное кино «Максим Перепелица». Там показывали развесёлые украинско-белорусские свадебные традиции.

Мальчик решил жениться на девочке – заслал к ней сватов. Еда, горилка, все дела. Бухают. А сам мальчик сидит с другом за околицей и нервничает: «Только бы она мне гарбуз не вынесла». Отказывали они таким образом, реальный факт.

А я это смотрю и удивляюсь – чего он переживает? Ну даст она ему арбуз, так и хорошо, вкусно. Нафиг она ему вообще нужна, когда можно арбуз поест? Кому вообще нужны эти взбалмошные женщины?

Бабушка моя белорусская сидит рядом и посмеивается:

– Ты хоть знаешь, что такое гарбуз?

– Ну, арбуз по-украински.

– Нет. Это тыква.

И тогда я понял, что такое горечь отказа. Потому что тыкву я тогда терпеть не мог, и радости никакой она мне принести не могла. Невкусная дрянь. Мало что не любят тебя, так ещё и тыкву жри. Жестоко.

С тех пор прошло лет, страшно сказать, тридцать. За это время я уже получал и виртуальные гарбузы от девушек,

и знаю несколько неплохих блюд из тыквы, но вот эта история в памяти сохранилась, как пример женской жестокости. Ну вот, не всё ли равно ей? Могла же выдать что-то вкусное, чтобы подсластить отказ. Поддержать по-человечески. Но нет, тыкву таскали. Желательно огромную. Чтобы ещё обидней. С другой стороны, спасибо, что не поганку какую-нибудь. Всегда есть варианты похуже.

Эти дни

У мужчин тоже бывают эти дни. Сегодня один из них. Это такой день, когда с утра холодно, дождь, снег, ледяная крупа бьет по заросшим щекам. А тебе нужно кокосовое молоко. И нужно идти его покупать.

Но законы мироздания работают без сбоев. Даже если последние десять лет ты видел это кокосовое молоко в любом супермаркете, им были завалены все полки, его было купить легче, чем кумыс, его бесплатно раздавали девушки в кимоно, то это потому, что оно не было тебе нужно. А сегодня – другое дело. Сегодня его не стало на всей планете, сколько не ищи.

Ты обходишь 843 магазина. В каждом продавцы только пожимают плечами и сочувственно отворачиваются. Страшный небывалый неурожай кокосов обрушился на страны третьего, четвертого и пятого миров. Молока нет, кулинарная общественность в шоке. А тебе надо прямо сейчас.

И вот, спустя часы хождения по городу, когда ноги стёрты до колен, а в желудке трубят слоны, ты, наконец, решаешь идти домой. К чертовой матери, поем котлет. Напоследок ты заходишь в последний магазин рядом с домом, без всякой надежды, просто чтобы отработать карму до конца. И там оно. В пяти минутах от дома. Пожалуйста, бери на здоровье.

Ты покупаешь вожденную баночку, приносишь домой

и ничего уже готовить не хочешь. Не сегодня. Потому что сегодня этот день.

Самолёты

В ранние школьные годы я сильно увлекался склеиванием пластмассовых моделей самолетов. Это такой суррогат авиа-моделизма, когда для тебя уже отлили все детали, положили в коробочку клей, а тебе надо только аккуратно всё собрать, не одурев от ацетонового запаха.

Для полноценного авиамоделизма я был слишком криворук и не уверен в себе, а созидать что-то хотелось. Букв-то я и тогда писал изрядно, но все-таки мужское самолюбие требовало создавать что-то осязаемое. И я сидел, корпел над разложенной на столе газеткой, складывал маленькие пушечки, садил маленьких пилотиков в маленькие креслица, старался. Были ещё танки и корабли, но я больше любил самолеты. Они мне казались более романтичными.

На то, чтобы красить модельки, у меня не хватало решимости, умений и красок, а вот клеить – клеил. Усидчивый был. Это сейчас мой предел – 3D-пазл с собором Василия Блаженного, а тогда мне было интересно. Целыми часами мог возиться с этими пластмассовыми лайнерами. Только очень не любил ждать, пока высохнет клей.

На дворе бушевали лихие 90-е, самое их начало, и с выбором моделей было сложно. Советские игрушки делать уже перестали, а китайские еще толком не завезли. Но были тогда разнообразные кооперативы, которые клепали из непо-

нятно чего разные дурацкие модели.

У меня был, например, большой такой Боинг поносно-коричневого цвета, был По-2, который я так и не сумел собрать, и было несколько вариаций Ил-2 под кодовым названием «штурмовик». Некоторые модели были сделаны по старым хорошим лекалам, а некоторые – как попало, и склеить их красиво не получалось. Но я не привередничал. Короче, что было в продаже, то и выпрашивал у родителей, прилагая весь свой дар убеждения.

Новые модели покупались не часто, и очередное приобретение было моим личным праздником. А голубой мечтой была большая модель крейсера «Аврора» и большая модель Ту-144. Их у меня так никогда и не было.

Склеенные самолеты висели в моей комнате, на ниточках, на карнизе для штор, стояли в стареньком серванте и уже никуда не помещались. Было их, наверное, пара десятков. Увы, даже фотографий этой красоты не сохранилось. Помню только, что боялся их трогать, потому что клей от времени высыхал и детали могли отвалиться: криворукость я пытался компенсировать бережливостью.

Тогда я считал, что увлекаюсь авиацией. Со временем я вырос, времена изменились, интересы тоже. На первый план вышли девочки и музыка, и стало как-то не до самолетов.

Закончилась история самолётостроения красиво, но печально. Мы переезжали на другую квартиру, и увезти с собой эти самолеты не было ни возможности, ни желания. А я же

ещё хранил коробочку от каждого с запасными деталями. В общем, коробочки я вынес на помойку, а самолеты – на песочницу тогдашним детям нашего двора.

Я отлично помню этот чувственный момент, когда стою посреди двора и смотрю, как дети безжалостно уничтожают всё, что мне было так дорого. Им понадобилось минут десять, чтобы превратить мои богатства в бесполезный хлам. Это было больно. В этот момент я, наверное, окончательно расстался с детством.

С тех пор я склеил пару моделей в достаточно взрослом возрасте, но никакой радости не почувствовал. До сих пор, посещая с сыновьями игрушечные магазины, я останавливаюсь возле полок с моделями самолетов и разглядываю их.

Там, в коробках, хранится моё детство, в которое у меня больше нет доступа, как не измажешься клеем и какие деньги ни плати. Маленькие пилоты на маленьких самолетах теперь отправляются в полёт без меня. А у меня остались только воспоминания и буквы, которые никогда не предадут.

Запахи

Утром в комнате зябко, остывший пол охлаждает нагретый моим дыханием воздух. Кошки, нахохлившись, валяются вокруг меня в кровати. Просыпаюсь я сильным независимым мужчиной, весь в неодобрительных кошачьих взглядах. Хотя засыпаю обычно уставшим от жизни циником, от которого пахнет табаком и мятой с лимоном.

В городе пахнет дымом и пятницей. Машины боязливо прижимают зеркала, увидев издали приближающийся трамвай. Люди уже перестали укрываться в тени и стараются находиться на пути следования солнечных лучей.

В офисе пахнет баурсаками и кофе. Работать не хочется, все празднуют и смеются невпопад. Телефон вздрагивает от входящих сообщений, а зарядка осталась дома. Хорошо, что у всех коллег зарядки одинаковые.

Чем будет пахнуть мой вечер – пока не знаю. Надеюсь, что хорошим настроением и ожиданием чудес. Ну, или, хотя бы, вкусной и нездоровой пищей. И книжками. И усталостью. И смешным сериалом. И масляным радиатором.

А выходные будут пахнуть весёлыми детьми и походными вещами, которые пора извлекать из кладовки. И ещё чем-нибудь приятным. Там придумаю. Потому что, ну а как иначе?

Мастер болен

Однажды я шёл мимо маленькой часовой мастерской и увидел в витрине объявление с простым текстом: «Мастер болен». Написанное на бумажном листе от руки, оно так гордо выглядело на фоне этого грязного киоска со старыми часами, что нельзя было не обратить внимание. Было в этом объявлении всё – уважение к своему делу, уважение к себе, нежелание давать лишних надежд и обещаний, достоинство, стиль.

Меня очень зацепила эта формулировка, я её запомнил на всю жизнь. Думаю, что это универсальная философская сентенция для любого случая. Этими словами можно характеризовать личное самочувствие человека, состояние дел в стране, в мире. На вопрос «Как дела?» можно отвечать «Мастер болен». И всё сразу понятно.

Красивая штука язык. Можно сформулировать так, что не прибавить, не убавить. Но получается редко.

Барометр

Надо сделать такой сайт, чтобы на главной странице был изображен огромный барометр и название твоего населённого пункта. Чтобы на шкале посередине надпись «норм», а по сторонам «очень» и «не очень». И пусть он показывает атмосферное давление. Снизу, конечно, будут баннеры с новым сенсационным эротическим видео Наташи Королевой, но это так, чтобы окупить проект.

Болит голова, делать ничего не хочется, ты туда заходишь, а там – «не очень». И нормально, есть причина. Можно в Facebook* написать, например, что вот боженька уронил атмосферное давление, и я страдаю. И это никакое не нытье, это, извините, непреодолимые обстоятельства. Вынужден переждать ненастье.

Если очень красивая девушка с бездонными голубыми глазами и грудью третьего размера пишет в сети пост, что день прекрасен, и жизнь прекрасна, и завтра в отпуск она едет на Бали с любимым, потому что получила премию, то ты не расстраиваешься. Открываешь барометр, смотришь, там горит «очень». А, ну всё ясно. Это из-за погоды у неё эйфория.

А так-то там незакрытая ипотека, плохие отношения с родителями, краны текут, мужик изменяет, на Бали сезон дождей и сиськи у неё силиконовые дешёвые от Усть-Каме-

ногорского завода пластмасс и сплавов. Но давление поднялось, и ей хорошо. Пройдет. Подумаешь, по акции билеты купили в двухзвёздный отель без горячей воды, с тремя пересадками в Бангладеше.

Тут много вариантов. Сидишь ты в кресле, куришь, читаешь ленту. Тут жена: «Милый, надо бы мусор вынести. Там уже крысы в нём рождаться начали, и соседи от вони переезжают».

Открываешь барометр, вскрикиваешь: «Какой мусор, юнга, барометр падает! Тысяча чертей! Задраить все люки! Крысы – это хорошая примета. Отставить мусор! Убрать паруса! Спаси нас, морской дьявол!» Ну, и дальше сидишь, лайкаешь.

Или если на встречу идти не хочется. Или когда домой пришел после трёхдневного отсутствия.

– Где ты был, кобель?

– Страшно давление упало, я еле добрался сквозь бурю!

– Но на улице солнце...

– Посмотри на барометр, глупая женщина!

С любой стороны полезный бы был сайт. И главное – я за идею совсем недорого возьму.

**Facebook – проект корпорации Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории РФ*

Прострел

Так вот живешь, ни о чем не подозреваешь, планы какие-то на будущее строишь. А потом неловко повернулся, в шее чего-то хрустнуло, прострел, обжигающий всплеск боли от затылка до лопаток, и всё – ты уже никуда не спешишь.

Ходишь по дому, как Терминатор на пенсии – голова поворачивается только вместе с плечами, на лице гримаса страдания, ногу подволакиваешь – это вообще не знаю почему, для образа, видимо. Ни сесть, ни встать. Детям начинаешь срочно жизненную мудрость передавать, чтоб успеть.

В магазин хотел выбежать, теперь не выбегу. Медленно выползу, намазавшись вонючими мазями и замотавшись шарфом.

А главное – мир разделился на две половины. Слева половина побольше – туда голова поворачивается градусов на пятнадцать, а справа поменьше – туда голова не поворачивается совсем. А там ведь тоже наверняка что-то есть, но не видно.

Это хорошо ещё не весна, глазеть не на кого. Пойду на детей поворчу. Пусть больного отца окружают вниманием.

Старый компьютер

У меня дома, кроме рабочего ноутбука, есть старенький компьютер. Он прожил длинную и сложную жизнь, и теперь находится на заслуженном отдыхе. Но ещё работает, и я его использую как архив для хранения всякой всячины.

Жутко сказать, но там хранится информация со всех моих бывших компьютеров, а это – ни много ни мало – лет за двадцать жизни. С покупкой новой машины я первым делом переписывал туда всё важное из папки «Мои документы». На ноутбуке эта цепочка прервалась, потому что ресурсы памяти у него несколько ограничены. Всё осталось на старом компе. Ну, да не важно.

Там, в компьютере, есть такие папки, куда я вообще боюсь заходить. Оттуда пахнет стылой вечностью и такими воспоминаниями, которые я давно стараюсь не хранить в себе. Компьютер я включаю редко, может, раз в месяц, чтобы закачать новую музыку в iPad или достать какие-то древние документы. Вот как сегодня – друг попросил найти обложки наших домашних магнитоальбомов за 1999 год. И каждый раз, когда я его включаю, я не могу просто найти то, что мне нужно, и выключить. Я всегда натываюсь на всякие вещи, которые приводят меня в растрепанные чувства.

Сегодня я открыл папку с фильмами, чтобы удалить ненужное, почистить активные раздачи в торренте. И пер-

вое, на что я наткнулся – детские фильмы и мультики, которые я качал для своих детей.

Мальчишкам моим не много – всего-то 6 и 9 – для меня они всё ещё малыши, и я до сих пор продолжаю находить для них разные детские фильмы. Но теперь я их не храню – скачал, показал и удалил. А раньше хранил. Огромная папка с мультиками, часть из которых я, кажется, скачал и даже забыл показать. И по ощущениям, всё это лежит там уже тысячу лет.

Я этим компьютером активно не пользуюсь уже три года, и это такие три года, каждый из которых идёт за десять. Я помню, что Егор любил мультит «Тачки», я его ему часто включал, он там лежит. И Егору-то девять всего, а ощущение, что две жизни назад это было.

И больше никому это всё не нужно, дети про это точно не помнят. Я и сам-то не помню. Как будто жил-жил человек, что-то накапливал, да и умер. Жутковато. И удалить вроде жалко, и оставлять незачем. Вот это, помню, ребенок просил и вот это. А что дальше было – не помню. Какой-то кусок жизни словно пропал. Ребенок тогда был ребенком и сейчас ещё ребенок, а ощущение, что это сто лет назад было. И я эти сто лет пропустил.

Что уж говорить про свои записки двадцатилетней давности. Там вообще мрак, как будто другой человек писал. Время на глазах растягивается и сжимается. Ничего не понять. В общем, выключил я компьютер от греха подальше. Загля-

дывать в прошлое стало жутковато. Раньше так не было.

Убийство

Утром нашёл на полу в гостиной бездыханный труп летучей мыши. Рядом гордо прогуливались кошки. Ночью был бой, который я проспал. Кошки вняли моим мольбам, и стали сами добывать себе пропитание. Правда, жрать не стали. Так что, возможно, что и не себе вовсе.

Спасибо, конечно, что не принесли в постель такую радость, но всё-таки как-то не по себе. Боюсь теперь спать ложиться в одной квартире с этими кровожадными тварями. Пошевелишься неосторожно во сне, а они тебе всё лицо сгрызут.

Всю жизнь из телевизора мне рассказывали, что летучие мыши – невероятно умные твари, и видят как прибор ночного видения, и сонары у них. А нет, оказывается, тоже дуры. Только страшные, как демон ночи, прилетевший забрать твою грешную душу. Ну, таких и среди людей хватает.

Чернильница

Каждую осень где-то к концу октября или к началу ноября у меня внутри начинается нить чернильница.

Разные слова складываются в предложения и лезут наружу из недр моей лохматой головы. Не всегда красивые, часто не умные, но какие-то важные для меня именно в это время.

Я прекрасно знаю, что это всё из-за надвигающегося фронта пониженного давления и хронического синусита, но всё-таки мне нравится думать, что осень приносит мне вдохновение.

Некое чувство неясной тревоги, душевный зуд, который иногда получается сублимировать в сносный текст. А иногда нет, и тогда сёстры Усталость и Депрессия приходят меня навестить со своими новейшими приспособлениями для тихих печальных игр.

Порой слова начинают складываться в самые неожиданные моменты. А когда всё для этого подготовлено – не выходят, и хоть умри. Вот тебе влажная вуаль облаков, вот тебе ржавые остовы гор, вот тебе сквозняк из-под балконной двери – смотри и чувствуй. Но нет. Когда напишется, тогда напишется.

А пока осень, кашель, мурлыканье кошек под одеялом и спутанный клубок мыслей, который предстоит разобрать.

Бухара

В Бухаре, возле пруда Ляби Хауз, в самом историческом центре, есть старое дерево. Это давно засохший тутовник, который стоит здесь с чёрт знает каких времён – видел и Амира Тимура, и бухарских эмиров, и советскую власть, и бомбардировку, и много чего ещё. Если бы он мог говорить – сколько бы всего рассказал.

А представьте себе, чтобы в центре Алматы вот так сохранили давно засохшее дерево. Оно не несёт никакой функции, просто символ – ровесник эпохи, в которую построен старый город.

Я восхищался бухарским тутовником в прошлый приезд, не мог пройти мимо и в этот раз. Очень сильные ощущения. Эта патриархальность Бухары очень привлекает, потому что она настоящая, не показная. Там так и живут – в перемешанной атмосфере прошлого и настоящего. Она вся здесь и сейчас. Стоит повернуть за угол ухоженной туристической достопримечательности – там всё также, как пятьсот лет назад.

Или вот, например, пошёл я в Центральный парк, сел перекусить в кафе. Кроме меня посетителей не было. В какой-то момент девушки-официантки устали накалывать мясо на шампуры, включили погромче свою узбекскую музыку с заводными барабанами и стали танцевать. Среди дня, просто для веселья. Потанцевали и сели дальше работать.

И я вот думаю — как много поколений людей любит одинаковую фольклорную музыку? А где культурные революции, конфликт отцов и детей? Где бухарский рок, бухарское диско, техно, тектоник?

Конечно, в ресторанах поют Стаса Михайлова с узбекским протягиванием, но это для туристов. А сами слушают то же, что слушали их бабушки. Я никогда не любил музыку, которую любили мои родители. А здесь поколениями любят одно и то же, слушают одно и то же, танцуют под одно и то же.

Нет никакой старой и новой Бухары. Есть просто Бухара, в которой тысячу лет едят сладкий плов, слушают свои эти дудки, носят цветастые наряды. Хорошо это или плохо — я не знаю. Но это есть. И плевать им на XXI век и айфоны.

Узбекское гостеприимство

Сажусь в поезд Самарканд – Ташкент. Сидячий вагон разделён на отсеки, в отсеке шесть кресел друг напротив друга, посередине столик. Еду со своей спутницей – явные туристы с рюкзаками и в яркой одежде. В нашем отсеке также два узбека средних лет и два узбекских мальчишки-подростка. Мальчишки едут с большой группой детей – остальные в соседних отсеках.

Трогаемся, приходит проводник, предлагает чаю. Один из узбеков на узбекском языке просит два стакана «лимон чой» для себя и своего товарища. Мы со спутницей просим два стакана для нас. Проводник передаёт наши просьбы специальной девочке и отправляется опрашивать остальной вагон. Приходит девочка, которая оснащена всего двумя руками, приносит два чая, ставит на столик. Я, как воспитанный человек, не тянусь сразу – предлагаю сначала взять узбекам, ведь они заказали раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.